

Вопросы экономики и права

**№ 6
2012**

Редакционный совет:

А.П. Торшин - председатель редакционного совета, заместитель Председателя Совета Федерации, кандидат юридических наук
Е.М. Ашмарина - доктор юридических наук, профессор
А.Г. Лисицын-Светланов - директор Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН
В.Н. Викторов - первый заместитель руководителя Аппарата Совета Федерации, доктор экономических наук, профессор
Ю.В. Голик - доктор юридических наук, профессор
В.А. Гамза - первый вице-президент Ассоциации региональных банков "Россия", кандидат юридических наук, кандидат экономических наук
С.Н. Сильвестров - заместитель директора Института экономики Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор
А.В. Мецеров - главный редактор журнала "Экономические науки", доктор экономических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Е.М. Ашмарина - главный редактор журнала "Вопросы экономики и права", доктор юридических наук, профессор
О.Ю. Бакаева - зав. кафедрой публично-экономического университета, доктор юридических наук, профессор
В.В. Болгова - доктор юридических наук, профессор
Ю.В. Ильин - руководитель секретариата Первого заместителя Совета Федерации
А.А. Ливеровский - декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов (ФИНЭК), доктор экономических наук, профессор
И.В. Рукавишников - декан юридического факультета Ростовского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор
В.В. Симонов - начальник инспекции Счетной палаты Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор

Подписной индекс **70180** (Агентство "Роспечать")

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС 77-31419 от 6 марта 2008 г.,
выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций, связи и охране культурного наследия

*Журнал включен в Перечень ВАК Минобразования России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук*

Главный редактор доктор юридических наук, профессор **Е.М. Ашмарина**

Ответственный секретарь редакции доктор юридических наук, профессор **В.В. Болгова**

Редактор *И.Н. Лошкарева*
Компьютерная правка и верстка - *О.В. Егорова*

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается

Цена договорная

Учредитель - ООО "Экономические науки"
(125252, г. Москва, Чапаевский пер., д. 3, оф. 775)

© Вопросы экономики и права, 2012

Подписано в печать 30.05.2012 г. Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 20,93 (22,5). Уч.-изд. л. 25,0. Заказ №

Отпечатано в издательстве ООО "24-Принт"

Научно-информационный журнал

В НОМЕРЕ:

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ, ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Паулов П.А. К вопросу понимания права и законодательства	7
Агеева Г.Е. Развитие научных представлений об оценочных понятиях в праве	13
Поникаров И.В. Теоретические подходы к пониманию определения публичной услуги	17
Кузьмина О.Ю. Развитие теории ренты на современном этапе	21
Парамонов В.Н. Хозяйственный расчет на промышленных предприятиях СССР в начале 1930-х гг.	27

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Глухих Л.В. Конкурентная стратегия промышленного предприятия с точки зрения системного и процессного подходов к ее содержанию	35
Анпилов С.М. Ключевые факторы устойчивого развития современных предприятий	40
Захарченко Д.В. Влияние информационно-сетевой экономики на изменение маркетинговых стратегий компаний	46
Пашенко А.А. Достоинства и недостатки паевых инвестиционных фондов и общих фондов банковского управления в современных условиях развития системы коллективного инвестирования	52
Томазова О.В. Формирование системы технического обслуживания и ремонта по фактическому состоянию нефтяного оборудования	55
Варняков Ю.В. Методические основы создания стоимости продукции вертолетостроительной отрасли	60
Талалаев М.В. О проблемах и перспективах инвестиционного развития сферы туризма на региональном уровне	65

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

Ашмарина Е.М., Гизатуллин Ф.К. Особенности отношений в сфере банковской деятельности и их правового регулирования	71
Всероссийская научно-практическая конференция “Административная юрисдикция”	79
Лесняковская А.С. Публично-правовые аспекты регулирования отношений в сфере недвижимости	90
Полетаев В.В. Проблемы выбора способа управления общим долевым имуществом многоквартирного дома: правовой аспект	94

**БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ, НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ,
СТАТИСТИКА. НАЛОГОВОЕ ПРАВО**

Курманова Д.А., Ключев И.В. Современные вопросы развития платежных систем	99
Артемьева Ю.А. Защита интересов неопределенного круга лиц в налоговых спорах	104
Короткова А.В. Требования и принципы организации системы внутреннего аудита в холдингах	108
Кириллова М.В. Учетно-аналитическое обеспечение управлением потребителем обществом	114
Абдулаева И.И. Методические основы организации внутреннего контроля	119
Сычев М.С. Экспортный потенциал предприятия и методы его анализа	123
Сабирьянова Л.Р. Развитие теории управленческого учета в России	127
Григорьева С.В. Эконометрический анализ финансового состояния автодорожного предприятия	135

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Костина Г.С. Об электронном документообороте между Федеральной службой судебных приставов и коммерческими банками	141
Дружинкин Е.С., Дёма О.А. Подводные камни Государственной автоматизированной системы Российской Федерации “Правосудие”	145
Силантьева И.Р., Дружинкин Е.С. Новые информационные технологии в судебном процессе	148

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Влезкова В.И. Влияние глобализации на банковские структуры: трансформационные процессы	157
Морозова Е.А., Шахворостов И.С. Модели организации межбюджетных отношений в зарубежных странах и возможности их использования в Российской Федерации	162

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Павлушина А.А., Пономаренков В.А. Проблемы согласования проведения внеплановых проверок органами прокуратуры	169
---	-----

<i>Annotations to the Articles</i>	173
--	-----

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
ЭКОНОМИКИ, ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

К ВОПРОСУ ПОНИМАНИЯ ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

© 2012 П.А. Паулов

кандидат юридических наук

Самарский государственный экономический университет

E-mail: paulovpavel@yandex.ru

Рассмотрены понятия права, правопонимания, позитивного и естественного права, законодательства; приведен обзор различных подходов к определению права.

Ключевые слова: право, естественное право, позитивное право, законодательство, система права, система законодательства.

Представления о праве в отечественной юридической науке меняются, меняются теории, концепции, и исследования юристами понимания права становятся все более актуальными. М.Н. Марченко отмечает, что в зависимости от того, какой смысл вкладывается в понятия “право”, “правовой” и др., соответствующим образом будет решаться и вопрос о правовом или неправовом характере других, “прилегающих” к ним категорий и понятий¹.

А.В. Корнев пишет, что интерпретация права и закона в трудах выдающихся русских юристов конца XIX - начала XX в. представляет собой богатую гамму различных точек зрения на эти социальные феномены². Ретроспективный анализ юридической мысли позволяет нам заключить, что дореволюционной российской юриспруденции известны различные теории и школы права и разные типы правопонимания. Причем в рамках каждого из них существует немало теорий, по-своему понимающих право. Различия в правопонимании обусловлены наличием в юридической мысли множества различных теорий происхождения и сущности права. Эти различия прослеживаются на протяжении всего исторического процесса. Удивительно метко высказался по этому поводу Б.А. Кистяковский: “Ни в какой другой науке нет столько противоречащих друг другу теорий, как в науке о праве. При первом знакомстве с ней получается даже такое впечатление, как будто она только и состоит из теорий, взаимно исключаящих друг друга”³. “Поэтому, - писал он, - научно правомерно не одно, а несколько понятий права”⁴.

Социалистический тип правопонимания в отечественной теории формируется в 20-х гг. прошлого века, а уже в конце 30-х гг. окончательно вырабатывается нормативное, весьма устойчивое определение социалистического права.

В советское время господствовал классовый подход к определению сущности права. Одним из родоначальников нормативно-классового подхода к пониманию сущности права был Н.В. Крыленко. Право, по его мнению, - это система общеобязательных, гарантированных государством норм, выражающих возведенную в закон волю экономически господствующего класса (трудящихся во главе с рабочим классом в социалистическом обществе) и выступающих в качестве классового регулятора общественных отношений⁵. Такой же позиции придерживался и А.Я. Вышинский: “Социалистическое право есть... способ подчинения людей и классов установленным господствующим в данном обществе классовым порядкам, выгодным и угодным этому классу”⁶. Эту точку зрения практически разделяли все советские ученые.

Помимо нормативного, складывалось и более широкое понимание права, зачатки которого возникли еще в 1920-х гг. (П.И. Стучка, Е.Б. Пашуканис). В 1950-х гг. некоторые ученые стали включать в понятие права, кроме норм права, также понятие правоотношений (С.Ф. Кечекьян, А.А. Пионтковский, А.К. Стальгевич), правоотношений и правосознания (Я.Ф. Миколенко), субъективного права (Л.С. Явич).

Сейчас рассматривают право в узком и широком смысле слова, в объективном и субъективном смысле, как позитивное и естественное. Сторонники узконормативного определения права (М.И. Байтин, Н.И. Матузов, П.Е. Недбайло, Ф.М. Раянов, И.С. Самошенко, А.Ф. Шибанов, Р.О. Халфина и др.) делают акцент именно на общеобязательности правовых норм, на государственно-принудительный характер их исполнения. Не случайно сейчас достаточно часто употребляется термин “юридическое право”, под кото-

рым понимаются только законы и подзаконные акты. Право конкретного государства, утверждает Ф. М. Раянов, - это и есть его законы⁷. Стронники широкого понимания права включают в право и правовые нормы, и правосознание, и правовые принципы, и правоотношения, и субъективные права, и др. (В.П. Казимирчук, Д.А. Керимов, Р.З. Лившиц, Г.В. Мальцев, Л.С. Мамут, В.С. Нерсисянц, В.А. Туманов, Л.С. Явич и др.). Это так называемый широкий подход к пониманию права.

Названные ученые основываются на том, что право не тождественно законодательству. В понимании права подчеркивается особая роль нравственно-правовых, политических и других принципов. По их мнению, узконормативный подход не дает возможности в полной мере оценить процессы формирования права, правового статуса гражданина, а также реально действующий правопорядок. Как, например, указывает Д.А. Керимов, право нельзя сводить к совокупности правовых норм, так как оно включает и их действие, практику регулирования соответствующих общественных отношений⁸.

О.В. Мартышин выделяет четыре типа правопонимания. Первый - юридический позитивизм (нормативизм), представляющий право как совокупность норм, установленных или санкционированных государством. Второй - социологический позитивизм, видящий в праве реальные отношения, имеющие юридические последствия и возникающие в различного рода общественных объединениях или создаваемые решением судебных и административных органов. Третий - теория естественного права, согласно которой право выводится из разума или природы общества и человека, а человеку приписываются врожденные и неотъемлемые права, существующие независимо от государства и предшествующие ему. Четвертый - философское понимание права, сводящее его к принципу свободы: право определяет условия, при которых человек, связанный или наделенный общественным статусом, может действовать свободно⁹.

В.К. Бабаев, В.М. Баранов, В.А. Толстик и другие авторы указывают на три основных подхода к современному пониманию права: нормативный, философский, социологический. Нормативный подход право понимает как систему общеобязательных, формально-определенных норм, исходящих от государства, им охраняемых и ре-

гулирующих общественные отношения. Право в философском подходе - это система естественных, неотъемлемых прав, существующих независимо от воли государства. В социологическом подходе право рассматривается как совокупность отношений, которые складываются и развиваются в самом обществе. Государство их не создает, а лишь открывает¹⁰.

В.В. Гриб и Р.А. Ромашов, рассматривая критерии соотношения основных типов правопонимания, к числу последних относят юридический и социологический позитивизм, а также юснатурализм (естественное право). Исследуя указанные типы правопонимания в контексте соотношения права и закона, авторы утверждают, что юридический позитивизм эти понятия отождествляет. В контексте социологического подхода соотношение права и закона рассматривается авторами с точки зрения соотношения правоотношений и норм позитивного права. Наконец, естественно-правовой подход представляется авторами и как соотношение права и закона, и как их противопоставление¹¹.

Некоторые ученые все же настаивают на выработке единого определения понятия "право". Такой точки зрения придерживается В.А. Четвернин, утверждающий, что только одно из понятий права является адекватным естественному употреблению слова "право"¹². М.И. Байтин призывает к сближению различных позиций по этой проблеме в целях выработки единого понятия права и полагает, что существование не только нескольких определений права, но и различных понятий права чревато опасностью размывания самой теории права¹³. В.П. Мозолин считает правильным лишь одно определение права в рамках юридического позитивизма¹⁴.

Наиболее верной представляется позиция ученых, которые выступают за разнообразие понятий права. Е.А. Лукашева считает, что право - явление столь сложное и многозначное, что нет и не может быть единственно верного ответа на вопрос, что такое право. Единого понятия нет, да и не должно быть¹⁵. Французский ученый-юрист Жан-Луи Бержель поддерживает данную точку зрения. Он не считает плодотворными поиски единой и всеобъемлющей дефиниции права: "Дать точное и лаконичное определение праву представляется невозможным. Термин "право" моралистами, богословами и некоторыми философами понимается в значении "справедливого", "спра-

ведливости”, тогда как для юристов этот термин означает комплекс юридических нормативов и правил. Для одних право - это идеал, для других - позитивная норма¹⁶. Не случайно, например, в литературе под правом понимают не только юридическое право, что общепринято, но и юридическое право как систему социальных регуляторов общественной жизни, как синкретизм всех социальных норм¹⁷.

Различают позитивное и естественное право. В советский период концепция естественного права тактически отвергалась. Так, В.А. Туманов писал, что марксизм решительно отрицает возможность существования в одном и том же обществе двух нормативных систем - естественной и позитивной¹⁸. В России только в последние годы стала возрождаться концепция естественного права, и именно поэтому в современном российском праве стали восприниматься такие естественные права, ценности, как равенство граждан, право граждан на жизнь, на частную собственность, свободу передвижения, свободу мысли и т. д.

С. С. Алексеев характеризует позитивное право как конституционное образование, специфическими свойствами которого являются нормативная общеобязанность, всеобщность, определенность содержания, права, обязывающее действие, высокая обеспеченность¹⁹. Г.Н. Манов отмечает, что “позитивное право во всяком обществе выступает прежде всего в виде системы норм, установленных или санкционированных государством”²⁰. Ф.М. Раянов понимает под позитивным правом правила поведения, установленные властью и навязанные всем, чтущим и творщим в государствоорганизованном обществе²¹. А.Б. Венгеров выделял в понятии права, прежде всего, три признака - нормативность, обязательность, принудительность²².

Особая роль сегодня в утверждении позитивистского нормативного подхода к определению права принадлежит М.И. Байтину. Как подчеркивает ученый, нормативный характер права заключается в том, что право как государственная воля общества проявляется в реальной жизни не иначе, как система официально признаваемых действующих в данном государстве юридических норм в их материалистическом понимании²³.

М.И. Байтин пишет, что сторонники широкого понимания права в течение длительного времени не смогли сформулировать сколько-нибудь

приемлемое в научно-тактическом отношении “работающее”, общее определение права²⁴. Как отмечала в свое время Р.О. Халфина, попытки включить в понятие права элементы других нормативных систем или иные элементы правовой надстройки способны повлечь за собой существенное ослабление его действительности, а с другой стороны - применение средств воздействия, присущих праву, к таким сферам общественных отношений, в которые право не должно вмешиваться²⁵. Ю.А. Тихомиров, коснувшись дискуссии о правопонимании, пишет, что в последнее время наметилось резкое противопоставление права и закона, что разрыв между ними чреват недооценкой законов как нормативных регуляторов поведения, более того, законодательству наносится тяжелый удар, нормативные основы законности “как бы” заменяются общими правовыми принципами и фундаментальными правами и свободами человека, вследствие чего оценка законов, всех нормативных актов становится произвольно-субъективным делом²⁶. Несмотря на довольно резкие негативные оценки нормативного подхода к определению права, высказываемые отдельными авторами, такие определения продемонстрировали свою жизнеспособность²⁷. Той же точки зрения придерживается и В.Н. Кудрявцев, отмечая, что определение права через систему норм оказывается самым удобным на практике²⁸.

Нормативное понимание права, по мнению его приверженцев, не исключает рассмотрение права во взаимодействии с другими явлениями общественной жизни, исследования социального механизма формирования и действия права, признания общечеловеческих ценностей как идейно-нравственной основы юридического права, законодательства²⁹.

И.Ю. Козлихин считает, что на пути к праву, его пониманию и реализации возникает борьба между правом естественным и позитивным. Теория естественного права и юридический позитивизм нередко противопоставляются как антиподы³⁰.

В.С. Нерсисянц пишет о том, что для сторонников естественно-правовых идей естественное право - это единственное настоящее, исходно подлинное право, коренящееся в объективной природе, которое воплощает начала разумности, нравственности и справедливости. “Естественное право, - пишет он, - это везде и всегда наличное,

извне данное человеку, исходное для данного места и времени право, которое как выражение объективных ценностей и требований человеческого бытия является единственным и безусловным первоисточником правового смысла и абсолютным критерием правового характера всех человеческих установлений, включая позитивное право и государство³¹. В отличие от концепции естественного права, концепция позитивного права рассматривается сторонниками как отклонение (а зачастую как отрицание) от естественного права, как искусственное, ошибочное или произвольное установление официальных властей.

В.С. Нерсесянц обозначает юридический позитивизм термином “легизм”, который в его понимании во всех вариантах отождествляет право и закон, сводит право к закону, открывает закон как правовое явление от его сущности, отрицает объективные свойства, качества, характеристики закона, трактует его как продукт воли (и произвола) законоустанавливающей власти. Поэтому специфика права, под которым позитивисты имеют в виду закон, неизбежно сводится при таком правопонимании к принудительному характеру права. Сила власти здесь рождает насильственное, приказное право³². Естественное право, как правильно замечает ученый, является до- и надпозитивным, не зависящим от законодательного закрепления. Естественное право ограничивает законодателя, выступая по отношению к нему руководящим началом³³.

Противостояние позиций естественного и позитивного права может быть устранено в том случае, если рассматривать естественное право как цель или модель будущего, желаемого правопорядка, а позитивное право как средство по достижению указанной цели³⁴.

Несмотря на различные подходы к понятию права, право - это, прежде всего, система правовых норм. Законодательство - это такое правовое понятие, которое отличается от понятия права тем, что оно обычно трактуется как совокупность существующих в том или ином государстве нормативно-правовых актов (законов, указов, статутов, декретов, постановлений правительства и др.)³⁵, которые содержат нормы права. Иными словами, первичным элементом законодательства является не норма права, как утверждает О.С. Иоффе, а статья закона³⁶. Если при анализе права мы обращаем прежде всего внимание на содержание правовых норм, то при анализе законодатель-

ных актов важно выяснить, из каких элементов состоит тот или иной нормативный акт - разделов, глав, статей, параграфов, абзацев и т.д. Но поскольку все законодательные акты содержат нормы права, то, исходя из нормативного понимания права, понятия “источник права” в формальном смысле и “законодательство” можно считать тождественными. Такой позиции придерживаются и некоторые другие авторы. Так, Е.В. Колесников считает, что источник права в юридическом значении совпадает с одной из форм выражения права - главным образом, с законодательством³⁷. Р.З. Лившиц пошел еще дальше. Он утверждает, что если право - система норм и законодательство - система норм, то дуализм самого понимания системы очевиден. Если отойти от нормативистской трактовки права, то проблема отпадает сама собой: система права - это идеи, нормы, отношения, а система законодательства - составляющие его отрасли. При этом объективна будет только система законодательства, а система права станет субъективным явлением. Попытки теоретически объяснить различия между системой права и системой законодательства становятся все менее успешными. Остановить данный процесс можно, только отказавшись от системы права в пользу системы законодательства³⁸. В этой связи следует подчеркнуть, что и система права, и система законодательства (в смысле совокупности отраслей) - субъективные понятия, так как они являются отражением в сознании реально существующих систем (право и законодательство). Их можно трактовать как различные “срезы” правовой действительности. Только для создания системы в каждом конкретном срезе используется различный исходный материал: нормы права и нормативно-правовые акты. Причем использование норм права дает больше возможностей. Этот правовой материал более гибкий и позволяет создавать целостные конструкции ввиду отсутствия привязки к структуре нормативно-правовых актов³⁹.

В.П. Реутов придерживается практически такой же точки зрения. В частности, он замечает, что сторонниками признания параллельного существования двух самостоятельных систем, отражающих содержание права, никак не удается объяснить механизм превращения отрасли законодательства в отрасль права, выявить критерии, которые могли бы свидетельствовать о появлении на базе отрасли законодательства полноценной отрасли

права. Дело в том, что утверждения о самостоятельном существовании двух систем базируются на допущении, по которому элементами системы права являются нормы права, а элементами системы законодательства - нормативные акты. Это, бесспорно, верно, замечает автор, если систему законодательства рассматривать не по предметно-функциональному признаку, например, по форме актов. Но если выделять отрасли законодательства по сферам, областям регулирования, т.е. по предмету, то между отраслями права и отраслями законодательства не должно быть существенных различий. Если мы рассматриваем право как единство содержания и формы, то нет никаких оснований считать, что системы права и законодательства существуют рядом, но принципиально не совпадают⁴⁰.

На основе вышеизложенного представляется верным рассматривать систему права как совокупность правовых норм, а систему законодательства как систему правовых актов, чье параллельное существование невозможно, первично право, вторично законодательство. Второе не могло бы и существовать без первого.

¹ *Марченко М.Н.* Частноправовой договор в механизме правового регулирования // Вестн. Моск. гос. унта. Серия "Право". 2004. С. 11.

² *Корнев А.В.* К вопросу о правопонимании в дореволюционной России // Государство и право. 1998. № 5. С. 93-98.

³ *Кистяковский Б.А.* Методологическая природа науки о праве // Русская философия права: философия веры и нравственности : антология. СПб., 1997. С. 318.

⁴ *Кистяковский Б.А.* Право как социальное явление // Вопр. права. Кн. 8. СПб., 1911. С. 17.

⁵ *Крыленко Н.В.* Беседы о праве и государстве. М., 1924. С. 31-33

⁶ *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств. М., 1950. С. 157.

⁷ *Раянов Ф.М.* Юридическое право: время разбираться по существу. Уфа, 2001. С. 17.

⁸ См.: *Керимов Д.А.* Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2000. С. 350.

⁹ См.: *Мартышин В.О.* Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6. С. 13.

¹⁰ См.: *Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А.* Теория государства и права в схемах и определениях : учеб. пособие. М., 2002. С. 32-42.

¹¹ *Гриб В.В., Ромашов Р.А.* Критерии соотношения основных типов правопонимания // Юрист. 2003. № 4. С. 8-9.

¹² *Четвернин В.А.* Понятия государства и права. М., 1997. С. 35.

¹³ *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 5, 120.

¹⁴ *Мозолин В.П.* Система российского права // Тр. МГЮА. 2002. № 19. С. 19.

¹⁵ Основные концепции права и государства в современной России : по материалам "круглого стола" в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН // Государство и право. 2003. № 5. С. 10.

¹⁶ *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права. М., 2000. С. 35.

¹⁷ См.: *Раянов Ф.М., Минахметов Р.Г.* Некоторые проблемы правопонимания (Полемиические заметки) // Право и политика. 2003. № 4; *Минахметов Р.Г.* Правовая система как синкретизм всех социальных норм // Право и политика. 2004. № 3.

¹⁸ *Туманов В.А.* Буржуазная правовая идеология. М., 1971. С. 343.

¹⁹ *Алексеев С.С.* Теория права. М., 1995. С. 133.

²⁰ *Манов Г.Н.* Теория права и государства. М., 1995. С. 19.

²¹ *Раянов Ф.М.* Проблемы теории государства и права юриспруденции. М., 2003. С. 220.

²² *Венгеров А.Б.* Теория государства и права. М., 1999. С. 317.

²³ *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005. С. 63.

²⁴ *Байтин М.И.* Указ. соч. С. 109.

²⁵ *Халфина Р.О.* Что есть право: понятие и определение // Советское государство и право. 1984. № 11. С. 22.

²⁶ *Тихомиров Ю.А.* Юридическая коллизия, власть и правопорядок // Государство и право. 1994. № 1. С. 5.

²⁷ *Рабинович П.М.* О понятии права в советской юридической науке // Правоведение. 1977. № 4. С. 41.

²⁸ *Кудрявцев В.Н.* Юридические нормы и фактическое поведение // Советское государство и право. 1980. № 2. С. 19.

²⁹ В связи с этим заслуживает внимания позиция О.Э. Лейста, который отмечает взаимосвязь трех концепций права: позитивно-нормативной, естественно-правовой и социологической (см.: *Лейст О.Э.* Три концепции права // Советское государство и право. 1991. № 12; *Его же.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 265-279).

³⁰ См.: *Марченко М.Н.* Проблемы теории государства и права. М., 2001. С. 114; *Оль П.А.* Исторический дуализм в правопонимании: единство и противоречие естественного и волевого начала в праве // История государства и права. 2003. № 4. С. 6.

³¹ *Нерсесянц В.С.* Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. Для юридических вузов и факультетов. М., 1998. С. 5.

³² *Нерсесянц В.С.* Философия права. М., 1997. С. 65.

³³ См. более подробно о соотношении позитивного и естественного права: *Нерсесянц В.С.* Право и закон. М., 1983. С. 362-363.

³⁴ В последние годы появился ряд работ, посвященных правопониманию (см.: *Мальцев Г.В.* Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999; *Железнова Н.Д.* Правопонимание и судебная практика: теоретические проблемы взаимодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001; *Попов В.И.* Правопонимание в советской юридической науке : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001; *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002; *Попов В.В.* Правопонимание и правовой нигилизм в российском обществе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

³⁵ *Марченко М.Н.* Теория государства и права в вопросах и ответах. М., 2000. С. 131.

³⁶ *Иоффе О.С.* Понятие права и его типы // Гражданское законодательство Республики Казахстан. Вып. 12. Алматы, 2001. С. 59.

³⁷ *Колесников Е.В.* Источники российского конституционного права. Саратов, 1998. С. 13.

³⁸ *Лившиц Р.З.* Современная теория права. М., 1992. С. 52-58.

³⁹ *Черепкова Е.Э.* Система права и система законодательства Российской Федерации: понятие и соотношение : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 60.

⁴⁰ *Реутов В.П.* Функциональная природа системы права. Пермь, 2002. С. 119-127; *Его же.* Структурирование правовой системы как выражение функциональных возможностей : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 36-37.

Поступила в редакцию 02.05.2012 г.

РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЯХ В ПРАВЕ

© 2012 Г.Е. Агеева

Самарский государственный экономический университет

E-mail: lvls@mail.ru

Оценочные понятия имеют существенное значение для правовой системы, научное познание этой категории в настоящее время привлекает все большее внимание исследователей, но многие вопросы до сих пор остаются дискуссионными. В статье рассматривается развитие научного познания в российской правовой доктрине такой правовой категории, как “оценочное понятие”, приводятся различные мнения.

Ключевые слова: оценочные понятия, оценочные термины, научное познание.

Проблема научного познания оценочных понятий права не является новой как для существовавшего и ныне действующего законодательства, так и для сферы научного исследования права.

Сами оценочные понятия, термины или категории (дискуссия о наименовании данной категории будет изложена ниже), не содержащие четко регламентированного правила, а создающие некую неопределенность правоприменения, известны юриспруденции давно. Здесь можно вспомнить Законы Хаммурапи, которые, как известно, являются древнейшим законодательным памятником.

Научному познанию в российских юридических кругах данная сфера подверглась сравнительно недавно. Впервые термин “оценочные понятия” в отечественной правовой доктрине появился в советское время в 1956 г. в работе С.И. Вильнянского¹. Позднее также вышла в свет работа Т.В. Кашаниной², посвященная “оценочным понятиям” в праве. Следует отметить, что два вышеназванных исследования стали первыми научными работами рассматриваемого исторического периода, закрепившими существование “оценки” в советском праве, и начальными попытками осмысления сущности такой формы выражения неопределенности в праве.

Из исследований оценочных понятий, существовавших в правовой системе советского государства, можно выделить работы В.В. Питецкого³, а также В.В. Игнатенко⁴.

Советское право разительно отличается от современного состояния российской правовой системы по множеству показателей, включая и оценивание. Дело в том, что во времена советского государства произошел отказ от становления правового государства, произошло развитие жестко-

го тоталитарного государственного строя с вынужденным отказом от множества демократических институтов.

Стоит согласиться с мнением Е.В. Колесняк⁵ о том, что правовая система как понятие исторична. Это означает, что ее развитие, структура и функционирование находятся в зависимости от окружающих условий, от реальной действительности. Страну того периода сильно отличает высокая степень идеологизированности всех сфер общественных отношений, а также жесткий контроль со стороны правящей партии и использование права в качестве средства политической борьбы с социально опасными для Советского государства явлениями.

На I Всесоюзном съезде марксистов-государственников и юристов, состоявшемся в 1931 г., резолюция съезда объявила “буржуазно-лицемерным” принцип “нет преступления, нет наказания без указания о том в законе”. В ней же осуждались принцип “абстрактной законности” и идея правового государства⁶.

Тем не менее для борьбы прежде всего с классовыми противниками в Уголовный кодекс 1922 г. был введен институт аналогии, ибо принцип “нет преступления без указания на то в законе” мешал “революционному правосудию”.

Но существование “оценочных понятий” во времена жесткой регламентации всех сфер деятельности, попыток избежать, насколько это возможно, диспозитивного правового поведения, а также соответствие всей правоприменительной деятельности этому широко известному лозунгу советского государства “разрешено все то, что прямо разрешено законом” позволяют сделать вывод о необходимости закрепления в праве и

неопределенных понятий, содержащих оценочные термины или признаки, также об их важности для построения правовой системы.

Итак, исследование оценочных понятий во времена советского государства наталкивает на мысль, что оценка права правоприменителем и сама возможность производить такую оценку в установленном порядке зависят прежде всего от общественно-политического и правового устройства в каждом конкретном государстве. Поскольку именно государство в лице законодательных органов в соответствии с действующей идеологией, принципами права определяет допустимость использования конструкции оценочных понятий, которые в той или иной степени предусматривают некий выбор реализации нормы права.

В рассматриваемом историческом периоде, а также на отрезке зарождения научного познания оценочных понятий исследователями можно выделить следующую особенность: количество нормативных актов, содержащих оценочные понятия как средства выражения неопределенности в праве, сводилось к минимуму, что объясняется спецификой правовой системы государства того времени. Ученые в некоторой степени отождествляли термины “оценочные понятия” и “каучуковые нормы”, следовательно, определенные не должным образом, а лишь наличием наиболее общих признаков различных, неоднородных фактов, явлений, находящихся в сфере правового регулирования, нормы не могли получить в рассматриваемый исторический период широкого распространения, поскольку неизбежно наталкивали на сравнение с буржуазным государством с его неясными, абстрактными нормами - орудиями расправы с революционными деятелями⁷.

Тем не менее даже в то время полностью отказаться от применения такой правовой конструкции, как “оценочные понятия”, законодатели не смогли, поскольку неоспоримо велико их значение для правотворческого процесса, имеющего своей целью урегулировать общественные отношения, как уже существующие, так и зарождающиеся.

После смены правового строя в России, провозглашения Конституции и закрепления в ней основополагающих принципов права количество употребления в текстах нормативных актов такой правовой конструкции, как “оценочное понятие”, стало стремительно набирать обороты. Как следствие, появилось большое количество науч-

ных изысканий в этом практически новом для отечественной юриспруденции направлении.

Постсоветские научные исследования такой правовой категории, как “оценочные понятия”, прежде всего, отличает их тяготение к изучению правовой оценки, применяемой в различных отраслях права. Абсолютное большинство среди этих работ имеют отношение, прежде всего, к уголовному праву в связи с максимальным использованием данной правовой конструкции именно в этой отрасли права. В названной сфере можно выделить труды О.С. Шумиловой, Р.С. Джинджолия, Е.Н. Масловой, Б.Н. Коробец. В числе работ, посвященных изучению закрепления оценочных понятий в процессуальных отраслях права, можно назвать исследования С.С. Безрукова, Р.М. Нигматдинова, а также Р.О. Опалева. Среди работ, посвященных более комплексному изучению вообще правовых оценочных понятий, выделяются труды Д.Н. Левина и О.Е. Фетисова⁸.

Все названные работы объединяет идея о необходимости существования “оценочных понятий” в правовой системе, отнесение данной правовой конструкции к демократическим институтам правового государства.

Что касается дискуссии о наименовании данной категории, то следует отметить, что долгое время не утихали споры о применении формулировки.

Р.О. Опалевым⁹ верно отмечена проблема выбора используемого словосочетания. В российской юридической науке как близкие по значению используются следующие словосочетания: “оценочный признак”, “оценочный термин”, “оценочная категория”, “оценочное понятие”, “ситуационное понятие”, оценочное предписание”.

В советское время использовалось словосочетание “оценочное понятие”, но в то время эта проблема не привлекала широкого внимания исследователей. С.С. Безруков¹⁰ полагает, что подлежит использованию формулировка “оценочный термин”. По мнению названного автора, тезис, согласно которому юридический термин может быть и многозначным, а следовательно, оценочные предписания права могут устанавливаться как при помощи понятий, так и терминов. При конструировании нормативных правовых актов законодатель в большинстве случаев использует именно термины (в том числе и оценочные), что позволяет достигать краткости изложения. В тексте законов приводятся лишь наиболее важ-

ные понятия, имеющие определяющее значение для надлежащей реализации норм, в содержание которых они входят. Основная же часть правовых понятий разрабатывается наукой.

В противовес изложенной позиции Д.Н. Левина¹¹ отождествление таких категорий, как “понятие” и “термин”, нецелесообразно, так как понятие выражается с помощью термина. Юридический термин отражает содержательную сторону права, понятие же относится к форме права. Оценочные понятия не являются оценочными терминами, ибо, во-первых, не допускают возможности определения исчерпывающего их содержания, во-вторых, их значение можно установить лишь в контексте соответствующей правовой нормы и то лишь с учетом обстоятельств конкретного дела.

Некоторыми авторами¹² применяется словосочетание “оценочная категория”. Полагаем, что использование данной формулировки не совсем обоснованно, поскольку логикой выработано следующее значение данного термина: категории - это понятия, которые являются пределами обобщения¹³, что немного противоречит сущности данной правовой конструкции, хотя, по нашему мнению, оценочные понятия являются правовой категорией.

Р.О. Опалев замечает, что на сегодня у отечественных правоведов все больше и больше входит в употребление словосочетание “оценочное выражение”¹⁴. В качестве подтверждения авторской позиции приводятся мнения двух правоведов. Не можем согласиться с данной точкой зрения, поскольку анализ большинства работ, посвященных изучению оценочных понятий, все-таки позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время устоявшимся, применяемым большинством авторов словосочетанием является как раз “оценочное понятие”. Примером названной позиции может служить, например, исследование О.Е. Фетисова¹⁵, как одно из последних, посвященных указанной проблематике, в котором дискуссия о выборе словосочетания уже и не приводится, а изучение оценочных понятий производится без обоснования выбора подлежащего использованию слова.

Что касается определения значения оценочного понятия, то по данному вопросу хотелось бы отметить, что большинство из приведенных выше авторов¹⁶ придерживаются того мнения, что сущность термина заключается в характеристиках

посредством оценочных понятий, закрепленных нормами права, наиболее общих свойств разнообразных предметов, явлений, действий, процессов.

Некоторые правоведы для уяснения смысла оценочных понятий используют определение “абстрактное”, например, Р.М. Нигматдинов¹⁷ полагает, что “оценочное понятие” - это абстрактное общее понятие, объединяющее множество неоднородных предметов, явлений, свойств и т.д. Полагаем, что следует согласиться с приведенной позицией, поскольку в соответствии с толковым словарем Д.Н. Ушакова¹⁸ абстрактный - отвлеченный, полученный путем абстракции, под абстракцией же в науке понимается мысленное отделение каких-нибудь свойств и признаков предмета от самого предмета. Считаем, что оценочное понятие содержит в себе именно основные, наиболее существенные признаки и свойства оцениваемого процесса, явления или предмета, получаемые путем абстрагирования от самого процесса, предмета или явления, например, известное процессуальной науке, с недавнего времени широко востребованное оценочное понятие “разумный срок судопроизводства”. Законодатель закрепил, что такой срок должен быть разумным, приняв во внимание основные, наиболее существенные признаки процессуального срока, а именно то, что сроком судопроизводства является, прежде всего, временной промежуток, требуемый для рассмотрения и разрешения спора по существу. Также была учтена необходимость недопустимости затягивания такого временного отрезка, его непосредственная зависимость от обстоятельств конкретного дела, поскольку для совершенно разных дел и разумность сроков будет совершенно иная, в связи с чем законодательно закрепить точный или даже ограниченный крайними пределами период рассмотрения и разрешения спора по существу не представляется возможным.

Также, на наш взгляд, логично остановиться и на таком вопросе, как оценка оценочных понятий правоприменителем. Большинство из приведенных авторов¹⁹ полагают, что законодателем путем включения в нормативные акты оценочных понятий предоставляется правоприменителю возможность их свободной оценки в рамках конкретной правоприменительной ситуации.

Не можем согласиться с приведенной точкой зрения ввиду наличия двух обстоятельств. Во-

первых, использование оценочных понятий происходит все-таки в конкретных нормативных актах определенных отраслей права, применимых к опять же определенным достаточно конкретным образом общественным отношениям, поэтому, как нам кажется, в связи с тем, что законодателем и так все достаточно точно определено, термин “свободная оценка” не очень уместен. А во-вторых, анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что все-таки свободная оценка не определенных должным образом понятий не осуществляется, у правоприменителей во многих отраслях права имеются данные законодателям разъяснения или указания.

Таким образом, подводя итог всему вышеизложенному, хочется заметить, что, несмотря на не такой уж длительный срок научных исследований сущности оценочных понятий в праве, а также их существенных характеристик, проблемных аспектов, возникающих при их применении, в российской правовой доктрине данная правовая категория уже не является неизученной, хотя и остаются некоторые “темные пятна” и дискуссионные аспекты в названном понятии.

¹ Вильнянский С.И. Применение норм советского права // Учен. зап. Харьк. юрид. ин-та. 1956. Вып. 7.

² Кашианина Т.В. Оценочные понятия в советском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974.

³ Питецкий В.В. Оценочные понятия в советском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1979.

⁴ Игнатенко В.В. Оценочные понятия в законодательстве об административной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989.

⁵ Колесняк Е.В. Правовая система Советского государства в период НЭПа: историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2009.

⁶ Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М., 2006. С. 54.

⁷ См. об этом: Питецкий В.В. Оценочные понятия в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1979; Игнатенко В.В. Указ. соч.; Кашианина Т.В. Указ. соч.

⁸ См.: Шумилина О.С. Оценочные понятия в Уголовном кодексе Российской Федерации и их использование в правоприменительной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002; Джинджолия Р.С. Проблемы систематизации оценочных категорий при квалификации преступлений против личности и назначении за них наказания (анализ теории и практики) : дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2005; Маслова Е.Н. Оценочные категории в квалифицированных видах убийства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Коробец Б.Н. Оценочные понятия в российском уголовном праве (социальная обусловленность и юридическая сущность) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; Безруков С.С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001; Нигматдинов Р.М. Проблема правовых понятий и оценочных категорий в гражданском процессуальном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004; Опалев Р.О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008; Левина Д.Н. Теоретические проблемы толкования и применения оценочных понятий : дис. ... канд. юрид. наук. Новгород, 2007; Фетисов О.Е. Оценочные понятия в праве. Проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.

⁹ Опалев Р.О. Оценочные понятия в гражданском и арбитражном процессе. М., 2008. С. 52.

¹⁰ Безруков С.С. Указ. соч.

¹¹ Левина Д.Н. Указ. соч.

¹² См., например: Абушенко Д.Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М., 2002. С. 45; Нигматдинов Р.М. Указ. соч.

¹³ Гетманов А.Д. Логика : учеб. для студентов вузов. М., 2007. С. 52.

¹⁴ Опалев Р.О. Указ. соч.

¹⁵ Фетисов О.Е. Указ. соч.

¹⁶ Там же. Также об этом см., например: Левина Д.Н. Указ. соч.

¹⁷ Нигматдинов Р.М. Указ. соч.

¹⁸ Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2007. С. 19.

¹⁹ См., например: Назаренко Т.Н. Неопределенность в российском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Абушенко Д.Б. Указ. соч.

Поступила в редакцию 02.05.2012 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ УСЛУГИ

© 2012 И.В. Поникаров

Самарский государственный экономический университет

E-mail: PonikarovIV@yandex.ru

Рассматривается теоретическое определение понятия публичной услуги и его соотношение со сходными понятиями, выделяются существенные признаки публичных услуг.

Ключевые слова: институт публичной услуги, государственные услуги, публичные услуги, публичные правоотношения.

Контроль и правовое регулирование являются своеобразным гарантом существования правового общества с его реализацией юридических принципов, построения норм права, обеспечивающих стабильное функционирование механизмов регулирования публичных правоотношений.

Присутствие закономерности в становлении публичных отношений позволяет цивилизованно развиваться общественной системе в рамках институционального регулирования правоотношений.

Мотивационное разделение индивидуальных интересов на частные и публичные позволяет обособить категорию, описывающую публичные интересы в более обобщенной форме, учитывающую позицию большинства.

С точки зрения рассмотрения процесса становления публичных отношений в рамках рациональной концепции обеспечение существования стабильного механизма их регулирования складывается в результате необходимости создания централизованного органа, аккумулирующего в себе функции контроля, реализации и информационной доступности для всех участников общественной системы. Зарождаются первые прототипы формы современной государственности. Необходимость в создании государства определена потребностью в объективной фиксации и подтверждении фактов, произошедших событий, затрагивающих сферу взаимоотношений индивидов. Отношения все больше начинают приобретать форму общественных с возникновением понятия собственности, остро встает вопрос о признании и подтверждении прав на имущественное благо.

В современной юриспруденции нет универсального способа учета отношений каждого участника гражданского оборота, государственным контролем затронуты лишь фундаментальные по-

казатели существования режимов собственности и учета событий и объектов имущества с привязкой к персональным данным индивида.

Общественные процессы играют роль мотивационного редактора, отражающего потребность контроля той или иной сферы общественных отношений публичным правом.

С развитием теоретических аспектов правоведения формируется представление о публичной услуге - форме официально востребованного подтверждения права обладания имущественным благом или профессиональным навыком (аккредитацией).

Само понятие “государственные услуги” в России стало использоваться только в процессе проведения административной реформы, в то время как во многих зарубежных странах государственные услуги - одна из основных форм отношений гражданина, юридического лица и власти, где государство рассматривается как “поставщик услуг”¹.

Под услугами согласно ст. 779 Гражданского кодекса Российской Федерации понимаются определенные действия или совокупность действий (деятельность), совершаемых в интересах физического или юридического лица. Заметим, что в Кодексе четко определено: “Исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги”. Именно это обстоятельство - первичность потребности заказчика в действиях исполнителя, а не наоборот - отличает услуги от различного рода юридически значимых действий, которые осуществляются в интересах иных субъектов, в том числе государственных органов и должностных лиц. Объектом данных правоотношений выступают определенные блага, как правило, не имеющие овеществленного (материального) результата².

Термин “публичные услуги” впервые был введен Указом Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314. При этом предоставление (оказание) государственной услуги определяется Указом в качестве одного из видов “основных” функций федеральных исполнительных органов: “Под функциями по оказанию государственных услуг понимается предоставление федеральными органами исполнительной власти непосредственно или через подведомственные им федеральные государственные учреждения либо иные организации безвозмездно или по регулируемым органами государственной власти ценам услуг гражданам и организациям в области образования, здравоохранения, социальной защиты населения и в других областях, установленных федеральными законами”³.

В Законе от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ “Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг” также предпринята попытка определения государственных услуг; под последними предлагается понимать “деятельность по реализации функций, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах установленных нормативными правовыми актами РФ и нормативными правовыми актами субъектов РФ полномочий органов, предоставляющих государственные услуги”⁴.

Помимо термина “государственные услуги”, нередко в контексте употребляется термин “публичные услуги”, однако зачастую оба термина отождествляют, что связано в свою очередь с синонимичностью перевода на английский язык следующих категорий: “публичные услуги”, “государственные услуги” (public services).

Существенные различия между вышеуказанными категориями можно выделить, если рассмотреть природу отношений.

Обычно граждане обращаются в государственные органы не за получением лично выгодных и необходимых благ, мотив заключается в получении документов или осуществлении в их отношении разрешительных действий. Данные действия обусловлены не интересом гражданина, а исполнением обязательств и являются вынужденными действиями. Например, лицензия не представляет интереса для гражданина как таковая, он вынужден обратиться за ней, так как в противном случае он не сможет осуществлять лицензируемый вид деятельности. Таким образом, лицензирование - это действия в интересах обще-

ства и представляющего его интересы государства. Собственного, имеющего конечную цель именно в получении лицензии (а не в осуществлении лицензируемого вида деятельности) интереса у гражданина нет. Если государство искусственно создает этот интерес посредством возложения на гражданина обязанностей или установления того или иного юридического факта, без которого не возникнут правоотношения, то можно говорить о навязанной, вынужденной услуге⁵.

Исходя из истоков формирования конечной цели у гражданина, можно определить потребность в получении “вынужденной” услуги со стороны государственных органов.

Некоторые авторы противопоставляют социальную услугу административной. Социальную услугу могут оказывать органы, учреждения и предприятия публично-властные (так, образовательную услугу может оказать государственное образовательное учреждение - государственный вуз) и структуры гражданского общества (ту же образовательную услугу может оказать и негосударственный вуз), а административную услугу (например, перераспределение доходов путем финансирования льгот и компенсационных выплат из государственного бюджета) оказывают исключительно публично-властные структуры⁶.

В данном случае принципиальным является следующее утверждение: не все государственные функции могут реализовываться через предоставление публичных услуг.

По мнению А.Е. Шаститко, под публичной услугой подразумеваются частные (индивидуализированные) блага, предоставляемые органами государственной власти и управления гражданам и организациям (физическим и юридическим лицам), как правило, в физической форме⁷.

Д.М. Щекин рассматривает понятие “публичные услуги” в широком и узком смыслах. По его мнению, понятие “публичные услуги” (в широком смысле) определяется такими признаками, как:

- общественно значимая деятельность;
- наличие специального субъекта - государственного или муниципального органа власти, государственного или муниципального учреждения или предприятия;
- индивидуальный характер услуги для ее потребителя;
- наличие специального интереса у потребителя услуги в такой деятельности;

- добровольное получение потребителем публичных услуг⁸.

А.В. Нестеров выделяет государственные, общественные и публичные услуги. Он относит к государственным услугам (услугам власти) “бесплатные по закону, оказываемые уполномоченными по закону услугодателями, добровольно обратившимся заинтересованным лицам, в соответствии с регламентами и стандартами государственных услуг за счет использования ресурсов государства”; к общественным - “бесплатные для граждан услуги, направленные на все общество, выполняемые wybranными по конкурсу услугодателями, за счет использования общественных фондов и в соответствии с регламентами общественных услуг”; к публичным - “общественно значимые платные для услугополучателей услуги, цена которых регулируется государством, оказываемые коммерческими организациями в соответствии с регламентами публичных услуг”⁹.

Таким образом, граждане обращаются за получением государственных услуг в связи с обывающей их необходимостью, с целью дальнейшей реализации личных интересов (осуществление лицензируемого вида деятельности, совершение заграничных поездок и т.д.).

В случае же получения индивидуально определенного блага личный интерес гражданина выражен буквально в соответствии с предназначением предоставленной ему публичной услуги (получение материнского капитала, получение налогового вычета по возврату НДФЛ).

Предоставление государственных услуг осуществляется исходя из направления реализации социально значимых государственных программ (“Доступное жилье”, проект “Здоровье”). Публичные услуги являются одним из диспозитивных механизмов реализации политического курса и государственного управления.

К основным характеристикам публичной услуги относятся:

- индивидуальный, адресный характер;
- заявительный характер предоставления (инициируется по обращению потребителя услуги в орган власти (учреждение));
- недискриминационный характер (т.е. должна быть предоставлена при наличии установленных в нормативных правовых актах оснований любому пользователю услуги на всей территории Российской Федерации, обратившемуся за

ее предоставлением, в заданный срок, с установленным качеством);

- предоставление безвозмездно или по регулируемым органами государственной власти ценам.

Публично-властный характер государственных и муниципальных услуг обусловлен прежде всего спецификой общественных отношений, в которых получателям услуг требуется помощь органов публичной власти. Это, главным образом, социальные правоотношения, субъектами которых являются носитель социальных прав - население и органы публичной власти как гарант реализации этих прав.

Иные характеристики публичных услуг, нередко упоминаемые в научной литературе и аналитических материалах (добровольность обращения; непосредственное взаимодействие с органом власти; общедоступный характер; преобладание социальных результатов над экономическими; невозможность предоставления данных услуг на полностью конкурентной, рыночной основе и т.п.), представляются весьма спорными и не раскрывают существенных черт всех без исключения публичных услуг в социальной сфере¹⁰.

В ходе проведенного анализа необходимо отметить, что сфера публичных услуг является динамично развивающимся направлением в современной гражданско-правовой российской действительности.

С помощью оказания публичных услуг выстраивается взаимный диалог между государством и гражданами посредством удовлетворения частных интересов и реализации политического курса страны.

Современное государство, помимо обеспечения публичных интересов, выполняет и социальные функции, которые касаются конкретного гражданина.

Таким образом, публичное право осуществляет функцию защиты прав гражданина - обеспечение его частных интересов.

Как считает А.Ф. Килин, в немецкой правовой литературе понятие “публичная услуга” рассматривается как реализация позитивного государственного управления¹¹.

В то же время необходимо постоянное поддержание баланса публичного и частного права, так как зачастую могут наблюдаться случаи умаления публичных норм и, с другой стороны, чрезмерное единоначалие препятствует благопри-

ятному развитию конкурентной среды в предпринимательской деятельности¹².

В настоящее время в качестве одной из целей государственной политики провозглашено вовлечение субъектов частного права в деятельность по оказанию публичных услуг с целью повышения качества этих услуг и наибольшего обеспечения интересов граждан¹³.

Так, А.Ю. Тихомиров предлагает формирование нового комплексного правового института - публичные услуги, в регулировании которого сочетались бы в качестве опорных нормы конституционного, административного и гражданского права и связанные с ними нормы финансового, экологического, трудового, информационного и других отраслей права.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что оказание публичных услуг требует установленных механизмов реализации на законодательном уровне.

Правовая конструкция понятия "публичная услуга" как термина постоянно подвержена изменениям в соответствии с динамикой и актуальностью современной правовой мысли, требующей отвечать практической действительности.

¹ Терещенко Л.К. Услуги: государственные, публичные, социальные // Журн. рос. права. 2004. № 10.

² Путило Н.В. Публичные услуги: между доктринальным пониманием и практикой нормативного закрепления // Журн. рос. права. М., 2007. № 6.

³ О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти : указ Президента Рос. Федерации от 9 марта 2004 г. № 314.

⁴ Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : федер. закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ.

⁵ Путило Н.В. Публичные услуги...

⁶ Родионова О.В. Тенденции развития социальной функции в современной России // Социальное и пенсионное право. 2007. № 2.

⁷ Шаститко А.Е. Организационные рамки предоставления публичных услуг // Вопр. экономики. 2004. № 7.

⁸ Щекин Д.М. О коммерциализации деятельности российского государства // Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт) / под общ. ред. Е.В. Гриценко, Н.А. Шевелевой. М., 2007. С. 90.

⁹ Нестеров А.В. Понятие услуги государственной, общественной (социальной) и публичной // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 11.

¹⁰ Старовойтов А.В. Публичные услуги в социальной сфере: понятие, виды, предоставление / Ин-т права и публичной политики. Томск, 2009.

¹¹ Килина А.Ф. Понятие публичных услуг в российском и немецком праве // Информационные проблемы в сфере административной реформы / отв. ред. И.Л. Бачило. М., 2005. С. 107.

¹² Тихомиров Ю.А., Талатина Э.В. Введение в российское право. М., 2003. С. 53.

¹³ Путило Н.В. Участие частных организаций в предоставлении публичных услуг. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

Поступила в редакцию 04.05.2012 г.

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ РЕНТЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© 2012 О.Ю. Кузьмина

кандидат экономических наук

Самарский государственный экономический университет

E-mail: pisakina83@yandex.ru

Доказывается, что теория ренты является производной от теории стоимости, а следовательно, развитие теории ренты, даже в рамках исследования новых форм ее проявления, предполагает глубинный анализ стоимостных процессов реальной экономики. Анализ рентных отношений будет продуктивен только в том случае, если в его основе будет лежать классическая теория стоимости в сочетании с определенными постулатами неоклассики и институционализма.

Ключевые слова: рента, теория ренты, рентные отношения, действительная и фиктивная стоимости.

Вряд ли у кого-то может вызвать сомнение тот факт, что на современном этапе мировая экономика - это рентная экономика. Рентные отношения охватывают всю систему имеющихся хозяйственных форм, институтов и инструментов, проникают во все сферы деятельности, не только оказывая воздействие на уровень развития производительных сил и системы экономических отношений, но и определяя их соответствующее инфраструктурно-институциональное обустройство.

Рента как системное явление современного общества постоянно обогащается, претерпевает изменения, что вполне естественно, поскольку переход на качественно новую ступень экономической системы требует более глубокого анализа рентных отношений на новом уровне их развития.

Проблемы ренты приобретают особое значение в современной экономической литературе¹. Число работ по рентной тематике из года в год только растет, в большинстве своем все они посвящены исследованию новейших форм рентных доходов. Понятие ренты постоянно расширяется, она рассматривается как часть дохода любого фактора производства. От изучения стандартных форм ренты, таких как земельная, горная, крен делается в сторону анализа проблем “образовательной”, “интеллектуальной”, “страховой”, “финансовой”, “денежной” “инновационной”, “технологической” и тому подобных рент². Множество имеющихся авторских определений рентных доходов, часто вносящее путаницу в процесс классификации форм и видов рент, в целом нивелируется следующей тенденцией: при капитализме все факторы производства изначально функционируют как капитал и предполагают образование определенного дохода независимо от его вида и формы. Капитал - это не толь-

ко средства производства, но и человеческий, природный, организационный и информационный факторы производства. Все перечисленные выше факторы объективно предполагают присвоение их собственниками, а где есть отношения взаимозависимости собственников, особенно в условиях усиливающейся монополизации рынков, имеют место и рентные отношения.

Расширение понятия “рента”, связывание ее со все более широким кругом доходов, превращение теории ренты из элемента микроэкономического анализа в макроэкономический, бесспорно, должны способствовать развитию теории ренты, ведь “повторение некоторых существенных моментов явления на иной более развитой основе означает переход к новому циклу развития, с существенно иными внутренними противоречиями и законами движения”³. Однако значительная часть современных наработок в области теории ренты не позволяет их рассматривать как источник ее развития. Бездумное повторение без какой-либо привязки к настоящему моменту концепции земельной ренты, разработанной в рамках классической школы, с подменой ее ключевых категорий авторскими определениями рент из предполагаемой области исследования, будь то страхового рынка или рынка образовательных услуг, вряд ли можно расценивать как новый виток развития теории ренты.

Проблема кроется в том, что “накидывание вуали” в виде классической рентной концепции на современные экономические процессы, происходит в условиях поверхностного понимания самой этой концепции.

Не останавливаясь на персонализированном историографическом аспекте “классической” и

“неоклассической” теорий ренты и их критике (работ, посвященных этой проблеме, достаточно)⁴, отметим следующее, что вся сложность теории ренты, включая и ее чисто классический вариант, кроется в том, что она напрямую связана с теорией стоимости, а следовательно, развитие теории ренты, даже в рамках исследования ее новых форм проявления, предполагает глубокий анализ стоимостных процессов реальной экономики. Пока еще в большинстве современных работ классическая политическая экономия, достигшая выдающихся научных результатов в теории земельной ренты, не дала возможности объединения своего понимания проблемы ренты с реальной практикой рыночного ценообразования и налогообложения.

Обсуждение вопросов о стоимостных источниках ренты отечественными исследователями берет свое начало с рубежа 1920-х и 1930-х гг. Этой проблеме посвящены работы С. Глазьева, К. Гофмана, В. Ильденова, Л. Кантаровича, В. Козырева, Д. Львова, Е. Лысова, Л. Любимова, К. Миловидова и др. Очевидно, что стоимостные процессы середины и даже конца XX в. существенно отличаются от современных. Нынешняя система экономических и институциональных отношений очень динамична, изменения протекают во всех сферах хозяйственной деятельности, модифицируя стоимостные процессы.

Анализ рентных отношений на основе теории стоимости в сочетании с определенными постулатами неоклассики и институциональными методами исследования на современном этапе - это редкость⁵. Но именно такой подход должен лежать в основе теории ренты, что явно будет свидетельствовать о новом витке ее развития.

“В современной экономике появилось два взаимосвязанных сегмента рынка - стоимостной, где возникает действительная стоимость, а в развитой ее форме цена производства, и рентный, который связан с фиктивной стоимостью”⁶. В соответствии с этим капитал функционирует как действительный и фиктивный. Общим для данных основных видов капитала является их существование как самовозрастающей стоимости. Однако если действительный капитал есть стоимость, приносящая прибавочную стоимость, то фиктивный капитал притягивает прибавочную стоимость, не являясь сам при этом стоимостью. Различие между действительным и фиктивным капиталами заключается и в формировании их рыночной стоимости. Действительный

капитал - это капитал, вложенный и функционирующий на предприятиях, это прежде всего стоимость, созданная путем затрат первоначально авансированной суммы денег на приобретение вещественных и личных факторов производства. В формировании рыночной стоимости фиктивного капитала задействован другой механизм. “...Образование фиктивного капитала называют капитализацией. Капитализируется каждый регулярно повторяющийся доход, причем его исчисляют по средней процентной ставке как доход, который приносил бы капитал, отданный в ссуде из этого процента”⁷. Взяв за основу данное положение К. Маркса о том, что фиктивный капитал возникает на основе ложной социальной стоимости, которую можно определить как фиктивную стоимость, Д.И. Розенберг отмечает, что “фиктивный капитал характеризуется следующими признаками: 1) он определяет собой притязание на часть прибавочной стоимости в форме регулярного денежного дохода (процента), 2) притязание это является предметом купли-продажи, является особым товаром, 3) цена этого товара есть ничто иное как капитализация приносимого им дохода, 4) при устойчивости последнего цена фиктивного капитала регулируется нормой процента”⁸.

Несмотря на то, что несоответствие между действительной и рыночной стоимостью функционирующего капитала порождает разрыв в кругообороте и обороте действительного и фиктивного капиталов, на практике разграничить кругооборот действительного капитала с движением фиктивного капитала чрезвычайно сложно. “Так, функционирование любого капитала в производительной форме невозможно без использования природных ресурсов, которые включаются в процесс производства или на бесплатной, или на платной основе... Бесплатное пользование природными ресурсами не отражается в стоимости действительного капитала... В то время как стоимость приобретенных в собственность природных ресурсов будет определяться путем капитализации ренты, т.е. фиктивного дохода. Для покупателя определение экономической эффективности этих рентных ресурсов ничем не отличается от оценки других элементов капитала как в производительной, так и в товарных формах. Базисом этой стоимостной оценки выступает первоначально авансированная стоимость”⁹.

Плавное “перетекание” фиктивного капитала в действительный или действительного в фиктивный капитал можно наблюдать постоянно.

Фиктивный капитал всегда становится действительным в момент его оплаты. При продаже рентного ресурса разница между первоначальной стоимостью действительного капитала и его рыночной оценкой становится для продавца избыточной прибылью (или убытком), а для нового покупателя - новым уровнем вложения авансированной стоимости в кругооборот действительного капитала. «Первоначально авансированная стоимость на приобретение природного, вещественного или личного факторов производства становится мерилем оценки действительного капитала. Трансформация фиктивных доходов непосредственно или в форме их капитализации в процессе формирования действительного капитала проявляется... в ходе формирования действительной стоимости»¹⁰. Однако возможен и обратный процесс. Часть действительной прибавочной стоимости может участвовать в возникновении фиктивной цены рентных ресурсов, что означает возможность появления фиктивного капитала в связи с тем, что некоторая часть действительной прибавочной стоимости становится основой образования рентных доходов. Капитализация, например, земельной абсолютной ренты в ее классическом понимании как дохода, полученного за счет более низкого органического строения капитала в сельском хозяйстве по сравнению с промышленным, т.е. в таком виде как части действительной стоимости, означает образование фиктивного капитала на относительно худших землях. «Это придает реальной абсолютной ренте формы как бы ложной социальной стоимости, т.е. квазидифференциальной ренты»¹¹.

Двойственность подхода к определению фиктивного капитала с позиции природы капитализированного дохода нам представляется важной для понимания сущности фиктивного капитала, последний может образовываться как в процессе возникновения фиктивных доходов (фиктивной стоимости), так и перераспределением и присвоением прибавочной стоимости в рамках действительной стоимости, снижая в последнем случае норму процента.

Нельзя сказать, что вышеобозначенная точка зрения является новацией, скорее она конкретизирует сформулированные в третьем томе «Капитала» К. Маркса два закона стоимости - один для действительной стоимости, действующий в условиях свободной конкуренции, и другой - для рыночной, возникающий в результате монополи-

зации рынка. «Закон стоимости в рамках совершенной конкуренции предполагает формирование действительной стоимости и действительной цены производства. Закон рыночной стоимости регулирует все ценообразование, но с учетом отношений монополии на землю (и другие рентные ресурсы). Рыночная цена превышает действительную цену производства на величину ренты (абсолютной и дифференциальной), экономической природой которой выступает фиктивная стоимость»¹².

Правда, не все авторы согласны с таким подходом. Так, профессор В.К. Нусратуллин отмечает, что серьезной методологической ошибкой К. Маркса является именно разная трактовка закона стоимости для рентных и нерентных отраслей экономики. «Мало того, что вследствие сказанного один и тот же экономический закон получил субъективное толкование. Это - полбеда. Настоящая беда особого толкования закона стоимости для рентных отраслей экономики заключается в том, что он фактически всем авторитетом своего «Капитала», своей трудовой теории стоимости теоретически обосновал и закрепил позиции абсентеиста в системе экономических и общественных отношений в качестве необходимого макроэкономического субъекта, который якобы играет важную роль, с одной стороны, в изъятии рентных доходов, стабилизируя производственно-экономические отношения; с другой - обеспечивая эффективное развитие экономики вообще, выбирая для инвестирования направления наибольшего извлечения доходов»¹³.

В рамках последнего замечания кажется несколько сомнительным тот факт, что именно открытие и констатация К. Марксом закона рыночной стоимости для рынка несовершенной конкуренции, о существовании которого знает отнюдь не всякий экономист, привели к возникновению класса абсентеистов¹⁴. Экономические законы нацелены на выявление объективных причинно-следственных связей между экономическими явлениями и процессами, это отражение экономических реалий, а не их создание. В данной связи так называемые «абсентеисты» - это не результат открытия и действия закона, сколько порождение все усиливающихся процессов монополизации, которая все чаще на современном этапе начинает носить характер институциональных барьеров, уничтожь которые, и современный рынок начнет функционировать в рамках «стандар-

тного” закона стоимости, правда, такая ситуация вряд ли возможна.

Процесс монополизации порождает проблему ограниченности товаров. “При недостаточном количестве товаров, - пишет К. Маркс, - рыночную стоимость всегда регулируют товары, произведенные при наихудших условиях; при избыточном количестве - всегда товары, произведенные при наилучших условиях; ...рыночную стоимость определяет одна из двух крайностей”¹⁵. К. Маркс высказывает мнение, что объем производства товаров в лучших, средних и худших условиях не является единственным аргументом в функции образования рыночной стоимости, а следовательно, рыночная стоимость может определяться на основе не только худших и средних, но даже лучших условий производства. Именно “от общего состояния рынка зависит, насколько рыночная цена, поднявшись над ценой производства, приближается к стоимости и, следовательно, в какой мере прибавочная стоимость, произведенная в земледелии (и других рентных отраслях. - *О.К.*) сверх данной средней прибыли, либо превратится в ренту, либо же примет участие в общем выравнивании прибавочной стоимости в среднюю прибыль”¹⁶.

Учет такого фактора, как спрос, в рамках действия закона рыночной стоимости не позволяет однозначно сказать, что “стоимость... в нерентных отраслях экономики складывается на уровне среднеотраслевой, а в рентных отраслях - на уровне замыкающей цены производства”¹⁷.

“При формировании нового витка воспроизводственного процесса совокупный спрос как сгусток экономической энергии приобретает исходное положение при образовании рыночной стоимости. Распределение совокупного спроса в соответствии с потребностями общества (производственными или личными) и с учетом интересов индивидуальных потребителей предполагает наличие определенного механизма. Благодаря ему происходит формирование спроса на отдельные виды продукции и услуг. На передний план здесь выходят не затраты на производство благ, а их потребительские качества”¹⁸.

Учет спроса в рамках классического механизма ценообразования позволяет не только глубже проникнуть в суть этого механизма, выявив все тонкости “складывания” рыночной стоимости, но и понять, что же собой представляет фиктивная стоимость, поскольку ее существование

связано с процессом, когда общество дает оценку продукту, а не затратам абстрактного труда на его производство.

Область образования рыночных стоимостей есть пересечение двух типов полей, одно из которых является стоимостным, представляющим собой совокупность изменений действительной стоимости по каждому виду продукции и услуг, другое - ценностным, показывающим изменение объективной ценности этих же благ. Условие пересечения полей - равенство действительной стоимости и объективной ценности. Именно в этом случае возникает рыночная стоимость блага. Общее пространство, образующееся в результате пересечения, рассматривается как ложная социальная стоимость (фиктивная стоимость)¹⁹.

Получение таких выводов напрямую связано с синтезом положений теории трудовой стоимости и теории предельной полезности. Причем этот синтез должен носить отнюдь не механический характер - он должен объединить идеи двух экономических направлений на качественно новом уровне. Не следует подгонять теорию трудовой стоимости под принципы маржинализма, и, наоборот, эти две ветви экономической мысли должны расцениваться как дополняющие друг друга, особенно когда речь заходит о процессе образования рыночной стоимости. Профессор В.С. Гродский полагает, “что трудовая теория ценности предусматривает определение среднеотраслевых затрат, “общественно-необходимых затрат труда” (ОНЗТ). Те же затраты в маржинализме рассматриваются по нелинейной возрастающей, что позволяет выявить ключевой закон теории - закон убывающей эффективности затрат. Но средние затраты, которые определяют ценность товара, на графиках совпадают, а это указывает на эквивалентность подходов к ценообразованию...”²⁰.

Исследование стоимостных отношений в таком ключе, который был предложен выше, позволяет иначе взглянуть на стоимостную природу ренты.

В общем виде рента независимо от ее видов (но, может быть, за исключением земельной абсолютной ренты, возникающей в результате отраслевых различий между сельским хозяйством и промышленностью при образовании рыночных цен на основе предельно высоких замыкающих затрат) и форм представляет собой фиктивную стоимость.

Что касается экономической природы фиктивной стоимости, а значит, и ренты, то ответ на этот вопрос следует искать в работах представителей энергетической концепции рыночной стоимости, которые, если можно так сказать, дали “новую жизнь” классической теории стоимости, заставив иначе взглянуть на многие экономические процессы и явления. Категория “экономическая энергия”, лежащая в основе выше обозначенной стоимостной концепции, представляет собой элементарную частицу субстанции рыночной стоимости. “Все трудовые и технологические процессы в материальном производстве являются энергетическими процессами. Без потребления энергии нет производства... Все формы энергии имеют однокачественное производственное значение - они производят работу. Вследствие этого они взаимозаменяемы: ручной труд (биологическая энергия) заменяется машинным (электрическая энергия) и т.д.”²¹. Однородность экономической энергии дает возможность истолковывать весь обмен товаров строго с монетарных позиций. Именно она позволяет трактовать действительную и фиктивную стоимости как нечто однородное, несмотря на принципиальные их различия, связанные с отношением к абстрактному труду. “Вынося ложную социальную стоимость за рамки стоимости или действительной стоимости, К. Маркс подчеркивает тот факт, что на разных по качеству землях при одинаковых затратах труда (равные техническая оснащенность, уровень профессионального мастерства, организации производства и т.д.) будет возникать одна и та же по величине стоимость, при этом образуется различная рыночная стоимость произведенного продукта. Ложная социальная стоимость (то есть дифференциальная рента) не является особым результатом функционирования абстрактного труда на относительно лучших землях... На основе этого можно сделать вывод о том, что рыночная стоимость определяется не только абстрактным трудом”²².

Важнейшим свойством экономической энергии является ее информационная составляющая. “Стоимость рассматривается как всеобщее общественное выражение количества информации, воплощенное в ингредиентах антропосферы, независимо от их превращения в товары”²³. Информация в стоимостных отношениях приобретает значимость тогда, когда в ней отражается движение экономической энергии. В этой связи сто-

имостную модель К. Маркса можно рассматривать как “информационную модель, которая бессознательно используется рынком в параметрах свободной конкуренции. И подобно тому, как для развитого товарного отношения нет необходимости в золотых монетах, так и для переливов капитала нет необходимости в реальном переливе или отливе капитала, достаточно только иметь информацию о направлении движения финансовых ресурсов, чтобы принять решение о ценах, увеличении или уменьшении объемов производства, размещении или привлечении капиталов”²⁴.

Определение экономической природы рыночной стоимости, а следовательно, и ренты как фиктивной стоимости в виде экономической энергии, существующей в форме информационного поля, лишний раз подчеркивает необходимость исследования современных рентных отношений с позиций не только классической теории ренты, но и определенных постулатов неоклассики и институционализма. Современная теория стоимости должна включать в себя положения о субъективной оценке полезности товаров, индивидуальных интересах участников товарного обмена наряду с использованием категорий индивидуальной стоимости, рыночной стоимости и т.д. И это не просто теоретико-методологические изыскания в области исследования рентных отношений, носящие чисто академический характер, - предложенный подход позволяет иначе взглянуть на решение таких практических проблем, как определение уровня цен на рентные ресурсы при их обороте и величины платы за пользование ими.

¹ Авторитетным, на наш взгляд, научным источником, на страницах которого наиболее часто встречаются взгляды различных авторов на проблемы рентных отношений (причем, если можно так выразиться, в реальном времени, поскольку данный источник - это печатное периодическое издание), является российский журнал “Экономические науки”. Информационная база этого журнала и послужила основой для анализа изменений, которые претерпевает теория ренты на современном этапе.

² См.: Шереметьев А.В. Рентный аспект исследования страхового рынка // Экон. науки. 2007. № 10 (35). С. 86-89; Савельева С.В. Проблемы образовательной ренты от использования человеческого капитала // Экон. науки. 2007. № 12 (37). С. 86-90; Карпенко О.А., Левченко Л.В. Инновационная рента в системе рентных отношений // Вестн. Омск. ун-та. Серия “Экономика”. 2010. № 4. С. 25-30; Сапожников А.А. Капитал корпорации и экономические интересы субъектов кор-

поративных отношений // Экон. науки. 2011. № 3 (76). С. 56-65; и др.

³ *Мартьянова Ю.И.* Рентные экономические отношения и рынок продовольствия // Экон. науки. 2011. № 2 (75). С. 39.

⁴ См.: *Мещеров В.А.* Элементы маржинальной теории в анализе рентных отношений // Экон. науки. 2006. № 2 (15). С. 85-98; *Его же.* Рента в ретроспективе развития теории стоимости // Экон. науки. 2006. № 8 (21). С. 148-160; *Нусратуллин В.К., Мусин Б.М.* Интерпретация категории ренты в "Экономиксе" // Экон. науки. 2009. № 8 (67). С. 78-84; *Кусков В.М.* Историческая судьба законов земельной ренты в России в условиях национализации земли // Экон. науки. 2010. № 2 (63). С. 31-37; *Байкова Э.Р.* "Классическая" и "неоклассическая" интерпретация категории "рента" // Экон. науки. 2010. № 2 (63). С. 76-79; *Писакина О.Ю., Фахретдинов Р.Г.* Общественно-нормальная экономическая реализация земли // Экон. науки. 2010. № 2 (63). С. 100-105; и др.

⁵ Исключением является лишь незначительный круг работ, например, таких авторов, как В.К. Нусратуллин, К.К. Вальтух, Р.П. Кудряшова, В.А. Мещеров и др. (см.: *Нусратуллин В.К.* Рента и регулирование экономических отношений (в новейшей модели экономики). Уфа, 1996; *Вальтух К.К.* Информационная теория стоимости и законы неравновесной экономики. М., 2002; *Кудряшова Р.П.* Рента в современной экономике России: теория и практика. Самара, 2002; *Мещеров В.А.* Современные рентные отношения: Теория, методология и практика хозяйствования. М., 2006; и др.).

⁶ *Мещеров В.А.* Рыночный механизм рентных отношений в мировой экономике // Экон. науки. 2010. № 11 (72). С. 297.

⁷ *Маркс К.* Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-изд. Т. 25. Ч. 2. С. 212.

⁸ *Розенберг Д.И.* Комментарии к "Капиталу" К. Маркса. М., 1983. С. 687.

⁹ *Мещеров А.В.* Реальная экономика: механизм движения действительного и фиктивного капитала // Экон. науки. 2011. № 4 (77). С. 22.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Безуглов Н.Н.* К вопросу о реальном и фиктивном капитале // Экон. науки. 2003. № 5. С. 75.

¹² *Мещеров А.В.* Реальная экономика: механизм движения действительного и фиктивного капитала. С. 23.

¹³ *Нусратуллин В.К., Нусратуллин И.В.* Практические аспекты исследования научных результатов неравновесной экономической теории // Экон. науки. 2011. № 3 (76). С. 12-13.

¹⁴ Несмотря на вышеобозначенное замечание, в целом концепция ренты В.К. Нусратуллина, рассматриваемой им с позиций модели неравновесной экономики, имеет весомую научную ценность и по ряду моментов очень близка к нашей точке зрения на современные рентные процессы.

¹⁵ *Маркс К.* Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-изд. Т. 25. Ч. 1. С. 195.

¹⁶ Там же. С. 324.

¹⁷ *Нусратуллин В.К., Нусратуллин И.В.* Указ. соч. С. 12.

¹⁸ *Мещеров В.А.* Современные рентные отношения. С. 40.

¹⁹ Там же. С. 40-43.

²⁰ *Гродский В.С.* Метаэкономика. Сравнительный анализ и синтез главных теорий. Самара, 2003. С. 227.

²¹ *Полеицук И.Г.* Энерговооруженность и производительность труда. М., 1973. С. 7, 13.

²² *Мещеров В.А.* Современные рентные отношения. М., 2006. С. 10.

²³ *Вальтух К.К.* Информационная теория стоимости и законы неравновесной экономики. М., 2002. С. 164.

²⁴ *Мещеров В.А.* Рыночный механизм рентных отношений в мировой экономике. С. 300.

Поступила в редакцию 05.05.2012 г.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ РАСЧЕТ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ СССР В НАЧАЛЕ 1930-х гг.

© 2012 В.Н. Парамонов
доктор исторических наук, профессор
Самарский государственный университет
E-mail: parvja@mail.ru

Анализируются причины обращения к хозрасчету на промышленных предприятиях СССР в начале 1930-х гг., рассматриваются этапы его внедрения на предприятиях, в цехах, бригадах.

Ключевые слова: хозяйственный расчет, промфинплан, предприятие, цех, бригада.

В исторической литературе советского периода долгое время доминировала точка зрения о том, что строительство социализма было возможно только силами государства, на основе соединения технического прогресса с плановой экономикой. На рубеже 1980-1990-х гг. в литературе акцентировалось внимание на том, что реализация “ленинского плана построения социализма” на практике оказалась далеко не триумфальным итогом сталинского “большого скачка”¹. В современной экономической литературе справедливо отмечается, что в “рамках административно-командной системы управления господствовал принцип “максимальной возможности”: все экономические процессы, в принципе поддающиеся централизованному регулированию, должны управляться государственными органами”², что в “плановой системе хозяйствования движение ресурсов определяется с учетом политических ориентиров чаще всего через систему директивных и реже через систему индикативных программ и планов”³.

Под хозрасчетом понимался метод планового социалистического хозяйствования, основанный на соизмерении затрат и результатов хозяйственной деятельности, возмещение расходов хозяйственных органов за счет их фондов⁴.

В настоящее время историческая проблематика хозрасчета в СССР в начале 1930-х гг. отошла на второй план, хотя и не потеряла своей актуальности. Рассекречивание ряда документов, развитие экономической теории, междисциплинарных методов дают возможность по-новому взглянуть на проблему.

С чем было связано обращение к хозрасчету на рубеже 1920-1930-х гг.? Одной из причин можно рассматривать кризис, связанный, прежде всего, с коллективизацией. Сельское хозяйство

стало эпицентром кризиса⁵, но кризис приобрел общеэкономические масштабы и не ограничился аграрным сектором. Промышленное производство, по данным ЦСУ, в это время не сокращалось, но так как аграрный сектор являлся одним из источников индустриализации, его кризис породил проблемы в промышленности. Темпы развертывания индустриализации отставали от запланированных⁶.

Форсированная индустриализация сопровождалась тем, что миллиарды рублей оказались вложенными в незавершенное строительство, не давали отдачи. Если в начале первой пятилетки доля незавершенного строительства составляла 1,7 млрд. руб. (31% годовых вложений), то в конце - 13,7 млрд. руб. (76 % программы капитальных работ на 1933 г.)⁷.

Плановые показатели надо было выполнять и по промышленным новостройкам, и по расширению и реконструкции существующих предприятий, а для этого были нужны денежные средства. Эту проблему можно было решить либо получив деньги из центра, либо снизив себестоимость выпускаемой продукции. Но так как в стране отмечались финансовые затруднения, то рассчитывать на получение денег из центра не приходилось. Большинство предприятий находилось в тяжелом финансовом положении. Согласно отчетам Средневолжского Краевого Совета народного хозяйства, это было связано, прежде всего, с задержкой капитальных вложений со стороны центра. За девять месяцев 1928/29 хозяйственного года было получено лишь 66,2 % плановых ассигнований⁸.

Действующие же предприятия, особенно те, что обслуживали потребности населения, сокращали производство из-за нехватки оборудования и сырья. Росла себестоимость промышленной

продукции⁹, нередко наблюдалась тенденция к снижению качества продукции. XVI съезд ВКП(б) констатировал, что летом 1930 г. индустриальные отрасли экономики переживали сложную ситуацию: “Перевыполнение плановых заданий по количественным показателям сопровождалось... систематическим отставанием в части качественных показателей ее работы”¹⁰.

К вышеизложенному следует добавить и то, что проводилась классификация предприятий и их распределение по трестам, которые закончились лишь к концу 1929 г. Это, по оценкам современников, послужило предпосылкой к снижению темпов роста промышленного производства, так как происходили изменение подчиненности и смена руководства, что оставляло предприятие на некоторое время без должного оперативного руководства¹¹.

Понятие “хозрасчет” вошло в теорию и практику советской экономики в период новой экономической политики, и оно тесно увязывалось с рыночными отношениями. С 1926 г. рамки свободных рыночных отношений сужаются, власть стремится к усилению плано-регулирующих начал в экономике, прежде всего в промышленности, в связи с этим содержание хозрасчета начинает существенно меняться. Переломным можно считать “Положение о государственных промышленных трестах”, принятое ЦИК и СНК СССР 29 июня 1927 г.¹², согласно которому трест мог осуществлять коммерческий (хозяйственный) расчет “в соответствии с плановыми заданиями” вышестоящего государственного учреждения, в ведении которого трест состоит. Это означало, что коммерческий расчет подчинялся государственному плану, а не использовался трестом лишь для извлечения прибыли. Получение ее должно было осуществляться, прежде всего, путем снижения себестоимости, рационализации производства, а не только умелым использованием рыночной конъюнктуры.

Документы свидетельствуют, что лишь единичные тресты пытались с большей или меньшей полнотой провести в жизнь принципы хозрасчета¹³. Хозяйственно-оперативная самостоятельность предприятий в тот период была ограниченной, право юридического лица признавалось только за трестом, элементы хозрасчета внедрялись главным образом во взаимоотношения предприятий с трестом.

Постановлением ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г. “О реорганизации управления промышлен-

ностью” на промышленных предприятиях вводился хозяйственный расчет, который должен был способствовать рационализации производства, правильной организации сбыта и снабжения. С этой целью предприятие должно было устанавливать плановое задание для отдельных частей его (цеха, отдела). По цехам, отделам предприятия должен был вестись учет произведенных за месяц расходов. Расходы отдельных частей предприятия должны сопоставляться с результатами их производственной деятельности. Данное постановление ЦК ВКП(б) привело к расширению хозяйственной кооперативной самостоятельности трестированных предприятий в области материально-технического снабжения предприятий и сбыта их продукции. С другой стороны, самостоятельность носила ограниченный характер, так как, согласно постановлению, работа предприятия находилась под строгим контролем хозяйственных органов власти и была ограничена рамками промфинплана. Предприятие могло составлять самостоятельный баланс, но были заданы показатели себестоимости продукции. Если предприятие фактически добивалось понижения показателей себестоимости, то разница между заданной и фактической себестоимостью расходовалась по усмотрению предприятия, но отчетность по себестоимости должна была быть представлена в местные хозяйственные органы власти¹⁴.

В следующие месяцы происходило расширение хозяйственной самостоятельности отдельных предприятий. Им в соответствии с постановлением СНК от 30 января 1930 г. о кредитной реформе было разрешено открывать самостоятельные расчетные счета в банке¹⁵; затем в соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 18 февраля 1931 г. у предприятия появляется право самостоятельного заключения хозяйственных договоров от своего имени¹⁶; Постановление Совета труда и обороны СССР от 23 июля 1931 г. наделило трестированные предприятия собственными оборотными средствами, коими предприятие могло распоряжаться в соответствии с хозяйственными планами, маневрировать ими, исходя из хозяйственной целесообразности¹⁷. Все эти мероприятия не только расширяли самостоятельность отдельных предприятий, но и способствовали переходу промышленности к двухзвенной системе управления (предприятие - наркомат).

Внедрение хозрасчета на предприятиях проходило сложно, нередко самотеком. Прежде все-

го, на предприятиях было довольно много сторонников методов штурма и натиска. На многих предприятиях создавались ударные “Комсомольские батальоны”, работавшие месяцами без выходных, в результате чего удавалось достичь снижения себестоимости продукции в течение одного месяца с 7 до 6,2 %¹⁸. Подобные примеры были не единичны. На ленинградском заводе “Пневматика” слет рабочих-передовиков принял такую резолюцию: “Все члены завкома, парткома и комсомола должны пойти в цеха для ликвидации прорывов. Все инженеры и техники направляются из заводоуправления в цеха, в течение сентября никого не отпускать в отпуск. В “узкие места” должны быть выделены ответственные лица по наблюдению за качеством работы”; на московском Электrozаводе пленум парткома постановил: приступить “к созданию штурмовых бригад из лучших ударников для ликвидации слабых мест... Одобрить инициативу ИТР по созданию ими штурмового заслона от прорыва”¹⁹.

Следует учитывать социально-психологические обстоятельства, когда переход на хозрасчет сопровождался остракизмом со стороны сторонников “чистого энтузиазма”. На первую на Балтийском судостроительном заводе в Ленинграде хозрасчетную бригаду А. Николаева навешивали ярлыки “Буржуйчики!”, “Подрядчики!”. “Довольно сознательного отношения каждого рабочего к своему делу, а все остальное - одна видимость!” Бригаде удалось выстоять, но так было не всегда²⁰.

Внедрение хозрасчета затруднялось и напряженностью во взаимоотношениях рабочих и ИТР. Официально ставилась задача активнее вовлечь ИТР в соцсоревнование, в хозрасчетные бригады, но на предприятиях больше распространялась поговорка “ИТР - бельмо пролетариата”²¹, мешавшая вовлечению ИТР в активную производственную деятельность.

Разрыв между призывами и реальностью был значителен. С одной стороны, призывали активно участвовать в рационализаторской работе, а с другой - на многих предприятиях отсутствовал элементарный учет рацпредложений и контроль за их внедрением. Только на заводе им. Масленникова (г. Самара) было утеряно свыше 600 рацпредложений²². Рационализаторские предложения слабо стимулировались. В 1931 г. в среднем экономия от одного рацпредложения по промышленности Средневолжского региона состав-

ляла 1500 руб., а размер средней премии - 35 руб. В первом полугодии 1931 г. средняя экономия от одного рацпредложения составляла 2200 руб., размер премии - 55 руб., а некоторые предприятия вообще не выплачивали премии за рацпредложение²³.

Переход к хозрасчету активизировался после совещания хозяйственников, созданного ЦК ВКП(б) в июне 1931 г. Отражением нового курса развития экономики можно считать речь И.В. Сталина, положения которой вошли в историю как “шесть условий т. Сталина”, одним из важнейших среди которых считалось внедрение и укрепление хозрасчета²⁴.

На предприятиях выстраивалась вертикальная система хозрасчета. Предприятиям при составлении годового промфинплана тресты и объединения оставляли часть накоплений, предусмотренных их промфинпланом. Размер этой части накоплений устанавливался для каждого предприятия в отдельности при утверждении промфинплана предприятия на год. Эти средства могли использоваться на социально-культурное, бытовое и жилищное строительство, на увеличение собственности оборотных средств предприятия. Сверхплановая прибыль должна была оставаться в распоряжении предприятия и на усиление их маневренных способностей в течение операционного года. По итогам года 50 % сверхплановой прибыли могли расходоваться предприятием по его усмотрению на развитие производства, на улучшение быта работников, на индивидуальное премирование и др.²⁵ Между предприятиями устанавливались плановые договорные отношения по поставке товаров, производству работ и оказанию услуг. Внедрение хозрасчета должно было сопровождаться контролем “производства рублем со стороны банковских и вообще финансовых организаций”²⁶.

Второй уровень - цеховой хозрасчет, основные элементы которого были определены Типовым положением о цехе и постановлением Президиума ВСНХ от 12 ноября 1931 г. “О мероприятиях по переводу цехов на хозрасчет”. Количественные и качественные показатели производственного плана определялись в наряде-заказе (как правило, на квартал). К нему прилагались договоры с другими хозрасчетными цехами предприятия на взаимные услуги. Не менее 30 % экономии от перевыполнения плановых заданий оставались в распоряжении цеха для производствен-

но-бытовых нужд, а 50 % из них направлялась на премирование работников²⁷.

Низовым звеном хозрасчета являлась бригада. Постановлением ВСНХ СССР и ВЦСПС от 11 сентября 1931 г. "О хозрасчетных бригадах" предполагались пересмотр на предприятиях разбивки рабочих по бригадам, прикрепление бригад к определенным станкам и оборудованию с переводом на сдельную оплату труда. Намечались меры по упорядочению выдачи производственных заданий хозрасчетной бригаде, на основании которых с администрацией цеха заключался хозрасчетный договор, а бригаде выплачивалась премия за экономию²⁸.

Первые хозрасчетные бригады появились на ленинградских предприятиях в начале 1931 г.²⁹ С лета 1931 г. данная форма активно распространяется по стране. Как свидетельствуют документы, хозрасчетные бригады нередко формировались, преобразуясь из ударных бригад. Именно через хозрасчетные бригады рабочие включались в данный процесс. К середине лета 1931 г. на машиностроительных предприятиях Средневолжского края охват рабочих хозрасчетом составлял 47,7 %³⁰. Осенью 1931 г. была проведена так называемая Сталинская эстафета, в ходе которой были организованы новые хозрасчетные бригады³¹.

Переход на хозрасчет сократил число прогулов в обследуемых бригадах в 1,7-4 раза³². Многие хозрасчетные бригады предлагали свои производственные нормативы, обосновывая показатели техническими расчетами, что выразилось во встречных технических промышленно-финансовых планах, в которых намечались пути выполнения повышенных социалистических обязательств. Мощным стимулом являлась система сдельной оплаты труда.

Однако современники указывали и на то, что хозяйственный расчет во многом носил формальный характер. В ряде бригад сохранялась уравниловка. На Средневолжском станкозаводе осенью 1931 г. стали создаваться "бригады-станки", члены которых получали зарплату поровну, как в коммунах, что вело к снижению личной материальной заинтересованности каждого члена бригады³³.

Проверка комиссией Средневолжского крайкома ВКП(б) положения с хозрасчетными бригадами на строительстве карбюраторного завода в Самаре показала формальный подход со сто-

роны хозяйственного и партийного руководства: "Раз договор заключили... значит, хозрасчет есть"³⁴. Профсоюзные ячейки заводов часто не вникали в суть задач выполнения промфинплана, видя в хозрасчете лишь самоцель³⁵. Еще откровеннее высказался рабочий завода им. Масленникова Тимофеев: "У нас часто работают по-кампанейски. Когда проходила Первомайская демонстрация, то занялись исключительно подготовкой к 1 Мая. Когда у нас пошла новая кампания - хозрасчет, то занялись хозрасчетом"³⁶.

¹ См.: *Волобуев О., Кулешов С.* Очищение. История и перестройка. Публицистические заметки. М., 1989; *Козлов В.А., Хлевнюк О.В.* Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 1930-х годов. М., 1988; и др.

² *Соколов А.В.* Государственное регулирование в развитии промышленного сектора экономики России // *Экон. науки.* 2011. № 4 (77). С. 96.

³ *Стерликов Ф.Ф.* Модели хозяйствования // *Экон. науки.* 2012. № 3 (88). С. 51.

⁴ *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998. С. 640.

⁵ Только в 1929-1930 гг. количество крупного рогатого скота уменьшилось на 19,6 млн. голов, свиней - на треть, овец и коз - более чем на одну четверть // *Народное хозяйство СССР в 1956 году: стат. ежегодник.* М., 1957. С. 128.

⁶ XVI съезд ВКП(б): стеногр. отчет. М., 1934. С. 723.

⁷ Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1934. С. 47-48.

⁸ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-674. Оп. 1. Д. 133. Л. 9.

⁹ См.: ЦГАСО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 328. Л. 188 Об.

¹⁰ XVI съезд ВКП(б): стеногр. отчет. М., 1934. С. 724.

¹¹ *Советов Н.* Промышленность Средней Волги за полгода // *За индустриализацию Средней Волги.* 1930. № 1. С. 4.

¹² Собрание законодательства (СЗ) СССР. 1927. № 39. Ст. 392.

¹³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. М., 1971. С. 88.

¹⁴ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. М., 1957. С. 126-129.

¹⁵ СЗ СССР. 1930. № 8. Ст. 98.

¹⁶ СЗ СССР. 1931. № 10. Ст. 100.

¹⁷ СЗ СССР. 1931. № 46. Ст. 316.

¹⁸ Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1141. Оп. 42. Д. 10. Л. 17.

¹⁹ См.: *Стиденкин С., Кобяков В.* Ответ пролетариев города Ленина. М.; Л., 1931. С. 14; Исторический архив. 1957. № 3. С. 93.

- ²⁰ Бригада и станок на хозрасчете. Самара, 1931. С. 15, 124.
- ²¹ СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 20. Д. 815. Л. 161 (об.).
- ²² СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 20. Д. 1593. Л. 10.
- ²³ СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 20. Д. 1463. Л. 30; Д. 1585. Л. 1; Ф. 1009. Оп. 1. Д. 2, Л. 86.
- ²⁴ *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. С. 51-80.
- ²⁵ СЗ. 1931. № 70. Ст. 471.
- ²⁶ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. С. 272.
- ²⁷ См.: Организация внутризаводского хозрасчета / В.А. Авидон [и др.]. Л., 1932; *Гинцбург Л., Костельцев А., Хитев В.* Сборник материалов по хозяйственно-административному праву. М., 1931. С. 173-177; Хозрасчет цехов. Материалы объединений и предприятий. Вып. II. М.; Л., 1932.
- ²⁸ Правда. 1931. 12 сент.
- ²⁹ *Гаврилов Н.* Хозрасчет, социалистическое соревнование и ударничество. М., 1931. С. 52.
- ³⁰ Подсчитано по: ЦГАСО. Ф. 900. Оп. 2. Д. 59. Л. 6, 40; СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 20. Д. 805. Л. 4.
- ³¹ СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 20. Д. 816. Л. 77(об.).
- ³² См.: СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 20. Д. 1451. Л. 4 (об.); Д. 1463. Л. 25.
- ³³ СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 20. Д. 816. Л. 78(об.).
- ³⁴ СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 20. Д. 1451. Л. 20.
- ³⁵ СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 20. Д. 68. Л. 89.
- ³⁶ СОГАСПИ, Ф. 1141. Оп. 20. Д. 749. Л. 20.

Поступила в редакцию 02.05.2012 г.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ